Агитация за счастье

ОСКАР УАЙЛЬД И ОБРИ БЕРДСЛЕЙ В ГМИИ ИМЕНИ ПУШКИНА

Анна Толстова

Обри Бердслей. «Автопортрет», 1892 год

Оскар Уайльд, 1881 год

DIOMEDIA / MARY EVANS

Обри Бердслей. «Оскар Уайльд за работой», 1914 год

СЕЗОН культуры Великобритании в России трещит по швам, мероприятия отменяются одно за другим, но отменять выставку про Оскара Уайльда и Обри Бердслея в стране, где запрещена «пропаганда гомосексуализма», было бы верхом глупости. И вот оно, счастье: Музей Виктории и Альберта, Тейт, Британский музей и Национальная портретная галерея везут нам бердслеевскую графику, которую, как ни странно, до сих пор толком не показывали в России. Мы поцеловали твой рот, Иоканаан! (Разумеется, на выставке будут иллюстрации к уайльдовской «Саломее».) Странно, потому что нигде так страстно не любили Обри Бердслея (1872–1898), как в России. Пусть в интернациональном art nouveau он был заметной и замеченной (благо журналы The Studio, The Yellow Book и The Savoy имели широкое хождение в узких кругах) практически во всех странах Старого и Нового Света фигурой. Пусть и сегодня он тенью следует за Уайльдом, культ которого не знает границ, и зацелованный до смерти памятник на Пер-Лашез тому подтверждение. Но именно Россия на рубеже веков переболела столь тяжелой формой бердслеизма, что его рецидивы были видны чуть ли не до середины 1930-х. Еще бы: «Мир искусства» печатал Бердслея едва ли не в каждом номере — после смерти художника Сергея Дягилев отправился прямиком к Уайльду в Париж, чтобы тот порекомендовал его бердслеевскому издателю, судя по всему, как раз налаживавшему промышленное производство подделок. «Удивительная техника», «безупречная форма», «манящая глубина чародейного алмаза», «трепетное безумство», «рай греха», «магия графической математики», «симфонист начертательного парадокса» и «оргиаст искусственности» — это только из Сергея Маковского, а ведь есть еще Николай Евреинов, Алексей Сидоров и другие трубадуры. Как было бы славно, если бы Дягилеву достались те рабочие рисунки, которые однажды увидел у Бердслея Роберт Росс, друг и душеприказчик Уайльда: протертые до дыр листы, черновые свидетельства многих неудач, ошибок и неловкостей, по которым, когда от бумаги уже ничего не оставалось, тушью прочерчивалась окончательная, чеканная и упругая линия. Никакого дендизма, эстетизма, позы, маски, легкости импровизации — только трудная и грязная работа, в муках выношенные афоризмы.

О Серебряного века бердслианстве — бердслианстве «Мира искусства» и «Русских сезонов», декадентов и эстетов, художественных журналов и дендизма fin de siecle — рассказывается в русской части выставки, сделанной на основе коллекций Третьяковки, Русского, Бахрушинского и многих других музеев. Тут будут и «победители ученики» вроде Льва Бакста или Константина Сомова, и рабские подражатели, полоненные Бердслеем пожизненно, по меткому выражению Николая Кузьмина, также перенесшего болезнь в легкой форме,— скажем, «московский Бердслей» Николай Феофилактов или «русский Бердслей» Сергей Лодыгин. Непонятно, решатся ли в ГМИИ имени Пушкина сегодня, когда все думы Госдумы обращены к нравственному воспитанию человечества, выставить «Лисистрату», копии которой Бердслей, из разнузданного японизма перешедший в сдержанное католичество, перед смертью умолял сжечь, что, слава богу, сделано не было, рядом с лучшими образцами русской (гомо)эротической графики. С «Книгой маркизы» Константина Сомова или с «Занавешенными картинками» Михаила Кузмина в иллюстра-